

Даниил Константинов,
Дмитрий Саввин

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЗАКЛЮЧЕННЫЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Краткий обзор и общие методические рекомендации

1. Определение понятия «политический заключенный»	<i>страница 2</i>
2. Юридические инструменты и государственные институты, используемые при проведении политических репрессий	<i>страница 3</i>
3. Общее состояние судебной системы в РФ	<i>страница 6</i>
4. Политические заключенные: проблема идентификации	<i>страница 8</i>
5. Специфика работы с бывшими политическими заключенными и лицами, подвергавшимися политически мотивированным преследованиям в РФ, в эмиграции	<i>страница 11</i>

Рига, 2018

1. Определение понятия «политический заключенный»

В настоящее время существуют различные методы и подходы, позволяющие отнести то или иное лицо, подвергнувшееся заключению, к политическим заключенным. Со своей стороны, учитывая опыт российских оппозиционных организаций, действующих как внутри РФ, так и в эмиграции, а также опираясь на критерии, выработанные соответствующими институтами Европейского Союза, и наиболее авторитетными международными правозащитными организациями, мы считаем наилучшими следующие определения понятия «политический заключенный»:

«Определение политического заключенного», закрепленное в резолюции Парламентской Ассамблеи Совета Европы (ПАСЕ) 1900:

«Лицо, лишённое личной свободы, должно считаться «политическим заключенным»:

a. если лишение свободы было применено в нарушение одного из основных прав, гарантированных Европейской конвенцией по правам человека (ЕКПЧ) и Протоколами к ней, в частности, свободы мысли, совести и религии, свободы выражения мнения и информации, а также свободы собраний и объединений;

b. если лишение свободы было применено по явно политическим причинам без связи с каким-либо правонарушением;

c. если по политическим мотивам продолжительность заключения и его условия являются явно несоразмерными по отношению к правонарушению, в котором лицо было признано виновным или подозревается;

d. если по политическим мотивам лицо лишено свободы на дискриминационной по сравнению с другими лицами основе; или

e. если лишение свободы является результатом очевидно несправедливого разбирательства, что, как представляется, связано с политическими мотивами властей». (SG/inf(2001)34, пункт 10)

4. Лица, лишённые личной свободы за террористические преступления, не считаются политическими заключенными, если судебное разбирательство и вынесение приговора за такие преступления были проведены в соответствии с национальным законодательством и Европейской конвенцией о правах человека (СЕД № 5)»¹.

Amnesty International также выделяет в отдельную категорию, из числа политических за-

ключенных, узников совести. Таковыми считаются люди, подвергшиеся преследованиям за свои политические или религиозные взгляды, общественно-политическую деятельность, принадлежность к различным меньшинствам и т.п., и которые при этом не применяли насилия, а также не пропагандировали и не оправдывали его².

Исходя из этих критериев, в настоящей докладной записке под политическими заключенными будут подразумеваться следующие лица, осужденные к лишению свободы, находящиеся в предварительном заключении, под административным или домашним арестом:

- 1) Преследуемые за свои убеждения (политические, религиозные и любые другие).*
- 2) За пропаганду тех или иных идей и взглядов.*
- 3) За общественно-политическую деятельность, не сопряженную с насилием и не наказуемую в большинстве стран Европейского Союза (ЕС).*
- 4) За насильственные действия, или действия, наказуемые в административном или уголовном порядке в ЕС, при наличии в деле политической составляющей.*

В отношении первых трех категорий речь идет о полностью необоснованных преследованиях. В случае четвертой категории – о политически мотивированной чрезмерной жестокости наказания (с точки зрения законодательства РФ и правоприменительной практики), применении пыток и иных нарушениях прав человека.

2. Юридические инструменты и государственные институты, используемые при проведении политических репрессий

Юридическая система РФ является органическим продолжением юридической системы Советского Союза, и те методы, которые используются для подавления политических противников, в целом могут быть охарактеризованы как более мягкая версия советских методов.

Репрессии в СССР в разные периоды осуществлялись как в судебном, так и во внесудебном порядке. При этом всегда в Уголовном кодексе РСФСР, а потом и других советских республик, присутствовали статьи, карающие за «антисоветские» действия и даже публично высказанную оппозиционную точку зрения. В 1922 году в Уголовном кодексе РСФСР появилась печально известная 58-я статья, устанавливающая ответственность за «контрреволюционную деятельность». Которая, в свою очередь, определялась очень широко:

«Контр-революционным признается всякое действие, направленное к свержению, подрыву или ослаблению власти Рабоче-Крестьянских Советов и суще-

ствующего на основании Конституции РС.Ф.С.Р. Рабоче-Крестьянского Правительства, а также действия в направлении помощи той части международной буржуазии, которая не признает равноправия приходящей на смену капитализма коммунистической системы собственности и стремится к ее свержению путем интервенции или блокады, шпионажа, финансирования прессы и т.п.

Контр-революционным признается также и такое действие, которое, не будучи непосредственно направлено на достижение вышеуказанных целей, тем не менее, заведомо для совершившего его, содержит в себе покушение на основные политические или хозяйственные завоевания пролетарской революции»³.

После смерти Сталина, осуждения «культа личности» и принятия нового Уголовного кодекса РСФСР в 1960 г., те же самые деяния и даже намерения по-прежнему карались, но только уже на основании иных статей – в первую, 70-й («Антисоветская агитация и пропаганда»), предусматривавшей наказание даже за «распространение... клеветнических измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй»⁴.

Характерной особенностью и 58-й, и 70-й статей является крайняя широта и расплывчатость содержащихся там определений. Что, в свою очередь, позволяло ОГПУ-НКВД-МГБ-КГБ использовать их для предъявления обвинений фактически любому инакомыслящему человеку в СССР.

После того, как в РФ вновь начали усиливаться преследования политических противников режима, властям потребовался аналогичный «правовой» инструмент. Им стали 280-я («**Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности**») и, в первую очередь, 282-я статья УК РФ. Последняя предусматривает наказание за **«действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, совершенные публично или с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети “Интернет”»**⁵.

Для того, чтобы приспособить данную статью УК РФ для осуществления политических репрессий, стала применяться практика чрезвычайно широкого и произвольного толкования заложенных в ней определений. Например, очень часто произвольно трактуется понятие «социальная группа». Так, только в 2016 году были возбуждены следующие уголовные дела: в Красноярске – против эколога Федора Марьсова за разжигание ненависти против социальной группы «атомщики». В Ульяновске – против Даниила Алферьева за возбуждение вражды «к социальной группе (представители власти, которые в настоящее время руководят Россией)». В Курской области – против Ольги Ли за действия, якобы направленные на «унижение достоинства группы лиц по признакам принадлежности к членам социальной группы представителей конституционно установленных институтов федеральной государственной власти Российской Федерации – сотрудников прокуратуры, судей»⁶. И этот перечень легко можно продолжить.

Очевидно, что в рамках сложившейся в РФ правоприменительной практики, под 282-ю статью УК РФ подпадает любое негативное и даже критическое высказывание о представителях власти. Формально будучи схожими с аналогичными положениями в законодательстве многих европейских стран, благодаря вышеописанной правоприменительной практике 280-я и 282-я статьи УК РФ превратились в аналог 58-й и 70-й статей УК РСФСР.

Кроме того, в последние годы в УК РФ появились новые статьи, которые могут использоваться для преследования политических противников и инакомыслящих: 148.1 (*«публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих»*), 280.1 (*«публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации»*, действующая редакция введена законом от 21 июля 2014 года), статья 354 (*«отрицание фактов, установленных приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси, одобрение преступлений, установленных указанным приговором, а равно распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны, совершенные публично»*).

Государственные органы, осуществляющие политические репрессии, также являются наследниками (и даже прямым продолжением) аналогичных советских структур. В первую очередь, это относится к Службе по защите конституционного строя и борьбе с терроризмом ФСБ РФ, известной также как Управление по защите конституционного строя (УЗКС). Этот орган является фактическим преемником Пятого управления КГБ СССР, борвшегося с «идеологическими диверсиями». Показательно, что сотрудники ФСБ, начинавшие службу в Пятом управлении, «пятерке», в настоящее время нередко продолжают ее в УЗКС.

Кроме того, специально для борьбы с «экстремизмом» в 2008 году создается Главное управление по противодействию экстремизму МВД РФ, известное также как Центр «Э».

Именно эти две структуры осуществляют политические репрессии в РФ, и в большинстве случаев преследование, которое мы можем охарактеризовать как политически мотивированное, происходит при их участии – официальном или негласном.

3. Общее состояние судебной системы в РФ

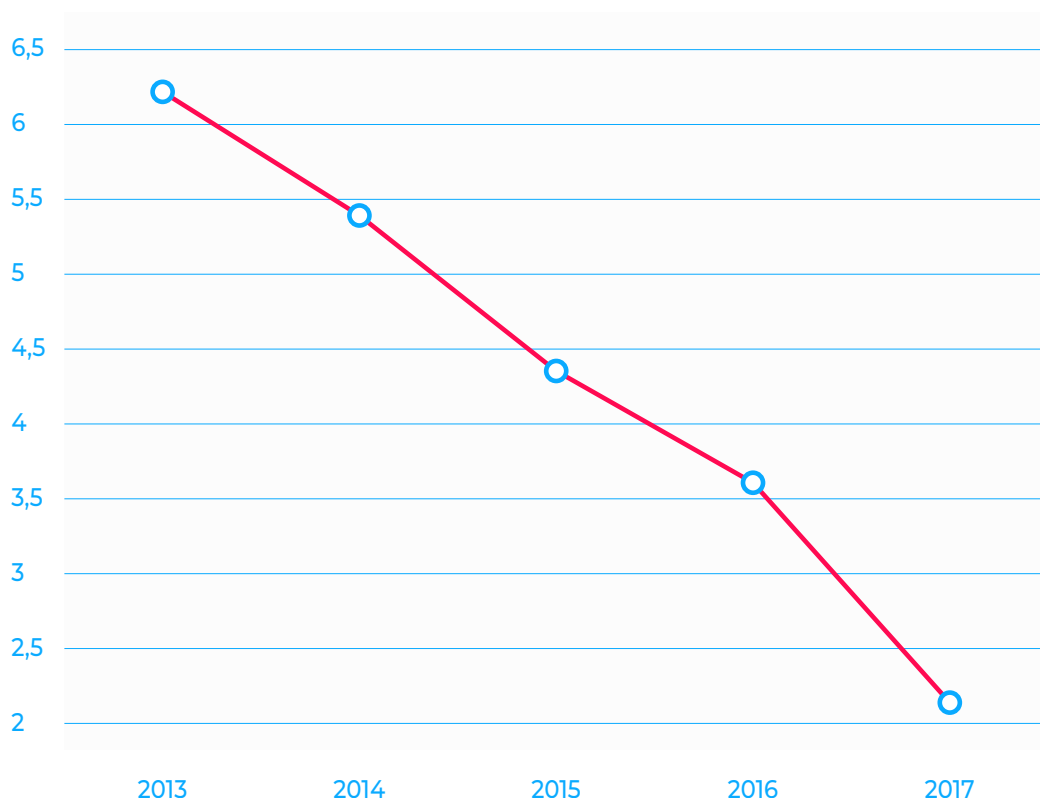
По формальным признакам, судебная система РФ во многом схожа с судебной системой в странах Евросоюза. На российской территории действуют все основные международные соглашения о защите прав человека, существует институт присяжных, и т.д. Однако, как и в случае со статьями 280-й и 282-й УК РФ, это сходство лишь внешнее. Для того, чтобы понять, как в действительности работает судебная власть, достаточно посмотреть статистику по оправдательным приговорам:

Приговоры, вынесенные в 2017 году в судах РФ, соотношение в процентах

● **Обвинительные приговоры — 99,8%**   ● **Оправдательные приговоры — 0,2%**

В 2017 году суды РФ вынесли лишь 0,2% оправдательных приговоров. Причем тенденция к снижению их числа, как свидетельствуют данные официальной статистики, наметилась давно, и имеет устойчивый характер⁷ :

Число оправданных на тысячу осужденных

При этом РФ продолжает оставаться лидером среди стран Европы по числу заключенных на душу населения: в 2017 году на каждые 100 тыс. россиян приходилось 439 заключенных (в среднем по Европе – 139)⁸. И это несмотря на то, что в последние годы принимались меры для того, чтобы уменьшить число находящихся в местах лишения свободы – введен институт домашнего ареста, и т.д.

Эти факты наглядно свидетельствуют о том, что сегодня судебная система РФ, как самостоятельная ветвь власти, парализована. В абсолютном большинстве случаев, роль судьи сводится к официальному оглашению приговора, уже фактически вынесенного Следственным комитетом, прокуратурой или ФСБ.

Понимание этой особенности государственной системы РФ особенно важно при рассмотрении дел российских политических беженцев. В странах ЕС само по себе возбуждение уголовного дела, даже если оно совершается спецслужбами, еще не может рассматриваться как преследование человека. При независимой судебной системе, в случае отсутствия доказательств преступной деятельности, он сравнительно легко может оправдаться. В то время как в РФ сам факт возбуждения уголовного дела и, тем более, ходатайство со стороны государственного обвинения о лишении свободы, означает практически гарантированный тюремный срок.

При этом своеобразная, неофициальная форма оправдательного приговора в РФ сохраняется, хотя и она применяется редко. Опыт множества дел, связанных как с политическими и религиозными преследованиями, так и не связанных с ними, показывает, что таковой формой стал, в некоторых случаях, условный срок или переквалификация статьи на значительно менее тяжелую. В последнем случае, человеку засчитывают время, проведенное в предварительном заключении, в срок лишения свободы, на который он осуждается, после чего его освобождают. Как правило, такая схема применяется в том случае, когда, с одной стороны, суду очевиден сфабрикованный характер уголовного дела, а с другой стороны, у обвиняемого есть серьезная юридическая, общественная и медийная поддержка. Даже такое «неофициальное» оправдание (после которого человек все равно получает судимость и связанные с ней правовые ограничения и, разумеется, не может рассчитывать ни на какие компенсации) дается с большим трудом, при помощи квалифицированных адвокатов и при постоянном внимании общественности, правозащитных организаций и СМИ. Те, кто этой поддержки лишен, не могут рассчитывать даже и на такое снисхождение.

Крайне эффективным инструментом репрессий в РФ является предварительное заключение. Суды РФ, как правило, легко удовлетворяют ходатайства следователя о заключении подозреваемых под стражу. В ноябре 2017 года член московской Общественной наблюдательной комиссии Ева Меркачева заявила, что все чаще в СИЗО обнаруживаются люди, сидящие там два и более года, «по разным причинам, хотя все сроки давно уже вышли... При этом, когда начинаешь их спрашивать, когда они в последний раз видели следователя, они говорят – полгода назад, может быть, даже год назад»⁹. Такая ситуация сложилась давно, и зашла столь далеко, что стала вызывать беспокойство даже у руко-

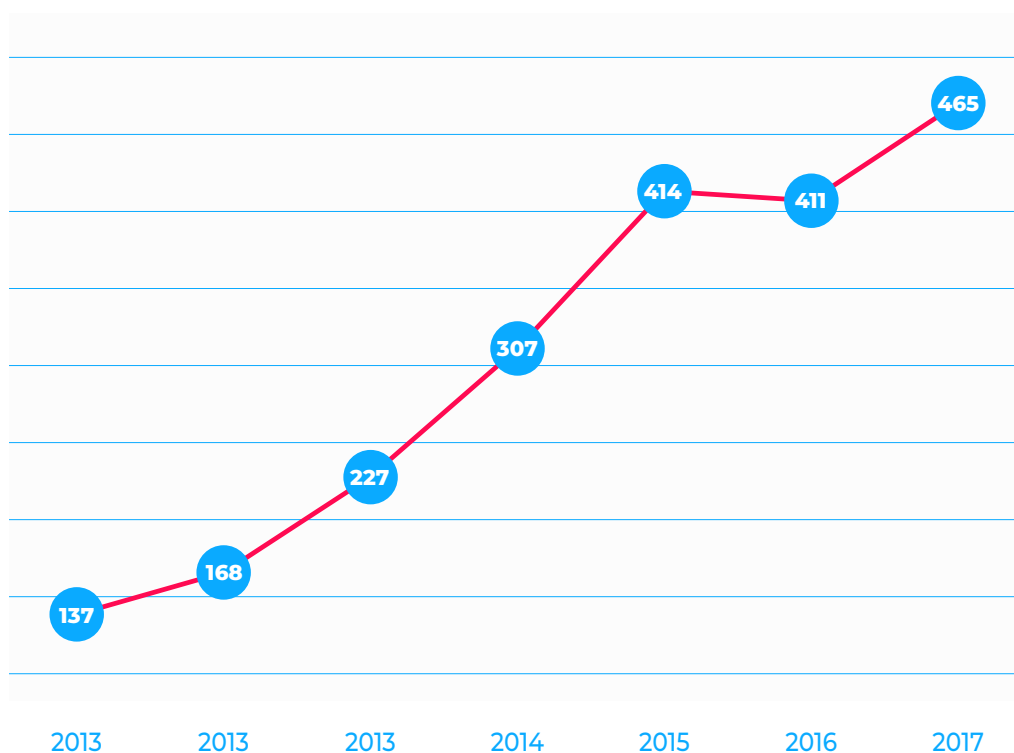
водства Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН). Именно оно предложило в начале 2016 года законопроект, обязывающий суды, при избрании меры пресечения, учитывать «наполненность изоляторов»¹⁰. Фактически, это было официальным признанием со стороны ФСИН того, что следователи и судьи крайне легко принимают решение об отправке подозреваемых в СИЗО, в результате чего те оказываются постоянно переполнены.

4. Политические заключенные: проблема идентификации

В целом, на основании этих фактов мы можем уверенно заявить, что сейчас в РФ существует 1) юридическая база для осуществления политических репрессий, 2) соответствующая правоприменительная практика и 3) государственные органы, ответственные за их проведение.

Показательно, что число осужденных по 282-й статье на протяжении последних лет стабильно росло. Вот данные по осужденным только по 282 статье как основной, причем лишь по пунктам 1, 2 и 3 (которые сложнее всего связать с насилием или даже систематической организационной деятельностью).

Число осужденных по основной статье для ст. 282, 282.1, 282.2 и 282.3¹¹

Отметим, что речь идет именно об осужденных по данной статье как «основной» - то есть лишь о тех, кто не совершил даже с точки зрения госорганов РФ более тяжких преступлений, чем те, за которые карает 282 статья.

С учетом того, что политические репрессии могут осуществляться и с использованием иных «правовых» инструментов (путем фабрикации уголовных дел по иным основаниям), сегодня мы можем уверенно утверждать, что за время правления Путина В.В. в РФ подверглись политическим преследованиям, как минимум, тысячи людей, и среди них сотни могут рассматриваться как политические заключенные. Тем не менее, назвать точное число не могут сегодня даже самые авторитетные правозащитные организации. Кроме того, предлагаемые ими списки политзаключенных могут отличаться.

В «актуальном списке политзаключенных» Правозащитного центра «Мемориал» содержится, на момент написания настоящего доклада, 48 имен, еще 102 имени находятся в числе «преследуемых за религию», и 63 значатся как «вероятные жертвы»¹². В то же время по данным Союза солидарности с политзаключенными (ССП) на 10 апреля 2018 года, в РФ имеется 150 политических заключенных¹³. При этом в значительно более просторном списке ССП отсутствуют три человека, признанных «Мемориалом» политзаключенными.

Подобные неточности признаются, впрочем, всеми правозащитными организациями. Так, представители «Мемориала» прямо заявляют: «Наш список политзаключенных заведомо не полон... Отсутствие в наших списках политзаключенных конкретного узника не означает ни согласия... с его преследованием, ни, тем более, его одобрения»¹⁴.

Исходя из нашего опыта, мы можем назвать следующие причины, не позволяющие, на сегодняшний день, сформировать исчерпывающую и точную базу данных по политическим заключенным и преследуемым по политическим мотивам в современной РФ:

1) Различные методологические подходы, применяемые разными правозащитными организациями и иными институтами. Например, тот же «Мемориал» так характеризует лиц, включенных в их список политических заключенных: «эти люди, не прибегавшие к насилию и не призывавшие к нему, стали жертвами целенаправленного государственного беззакония»¹⁵. Не ставя под сомнение моральную правомерность такого подхода, мы не можем не заметить, что подобный критерий фактически сужает понятие «политзаключенный» до понятия «узник совести», применяемого Amnesty International. Или, иначе, критерии, которые использует «Мемориал», оказываются даже более строгими, чем у названной авторитетной международной правозащитной организации.

2) Технические проблемы. Количество уголовных и административных дел, в которых может присутствовать политическая составляющая, как было показано выше, постоянно растет. Сбор и полноценный анализ столь больших объемов информации сегодня, пожалуй, не под силу ни одной правозащитной организации, работающей в РФ. Кроме того, материалы некоторых дел засекречиваются, и сделать в отношении них однозначные выводы крайне сложно.

3) Политическая предвзятость внутри правозащитного сообщества и среди российской оппозиции. К сожалению, противники и идейные оппоненты установившегося в РФ режима отнюдь не всегда чужды политической пристрастности. На сегодня мы можем утверждать, что в ряде случаев преследуемых по политическим мотивам делят на «правильных» и «неправильных» на основании того, насколько они идеологически близки соответствующим правозащитникам и политическим организациям. «Правильным» могут простить отсутствие достаточных доказательств политической мотивации преследования, «не заметить» наличия в деле деяний, наказуемых в уголовном порядке в большинстве развитых и демократических стран, и т.п. От «неправильных» наоборот, требуют исчерпывающих и однозначных доказательств политической составляющей в их деле, а любое сомнение трактуется против них, по принципу своего рода «презумпции виновности».

Следует отметить, что подобные негативные явления не присущи какому-то одному направлению в среде российской оппозиции – они наблюдаются во всех политических лагерях. Исходя из собственного опыта, мы делаем вывод, что, например, условно либеральная среда нередко сознательно «не замечает» политических преследований русских националистов. С другой стороны, националисты, объявляя того или иного своего единомышленника политзаключенным, подчас столь же демонстративно не замечают насильственных действий (иногда – тяжких преступлений), им совершенных и однозначно доказанных. То же можно сказать и об оппозиционных российских левых.

Преувеличивать масштабы данного явления не следует, но и отрицать его наличие также невозможно.

Вследствие всех вышеперечисленных факторов и проблем, на сегодняшний день у нас нет возможности составить исчерпывающий и точный список политзаключенных в РФ. Равным образом, у нас отсутствует простой критерий, по которому можно однозначно отделить лиц, подвергающихся политически мотивированному преследованию от всех остальных. Тем не менее, мы можем утверждать, что число политзаключенных в РФ сегодня значительно и измеряется даже не десятками, а сотнями человек. И, судя по тем шагам, которые предпринимает правящий режим, в будущем оно только увеличится.

5. Специфика работы с бывшими политическими заключенными и лицами, подвергавшимися политически мотивированным преследованиям в РФ, в эмиграции

Весьма вероятно, что в ближайшем будущем в Латвии, равно как и в других балтийских странах, число россиян, претендующих на получение статуса беженца на основании политических преследований, будет только возрастать. В этой ситуации, соответствующим государственным органам Латвийской республики может потребоваться применение новых методов, позволяющих идентифицировать бывших политзаключенных и политических беженцев, а равно и тех, кто обманом пытается себя выдать за таковых. Последнее тем более актуально, что, по сообщениям СМИ, среди претендентов на убежище из России уже обнаруживались агенты спецслужб РФ¹⁶. Кроме того, существует риск проникновения в Латвию и Евросоюз лиц, виновных в совершении уголовных преступлений, и преследуемых, в целом, обоснованно.

Для снижения этих рисков, на наш взгляд, актуальны следующие меры:

1) При работе с делами претендентов на статус беженцев на основании политических преследований (политических эмигрантов), следует обращать внимание на то, на основании каких статей УК РФ эти преследования осуществлялись. Наличие таких статей, как 148.1, 280, 282, 354 являются, так сказать, официальным сигналом того, что в этом деле, с очень высокой вероятностью, есть политическая составляющая. Тем более это касается тех случаев, когда данные статьи (в случае возбуждения уголовного дела или в приговоре суда) значатся «основными».

2) Учитывая особенности судебной системы и правоприменительной практики в РФ, следует иначе расценивать такие факты, как проведение обысков, привлечение к уголовному делу в качестве свидетеля и, тем более, предъявление официального обвинения. В отличие от стран ЕС, где подобные действия полиции и спецслужб, сами по себе, не могут считаться угрозой, в РФ большинство судебных разбирательств заканчивается обвинительным приговором. Равным образом, статус свидетеля легко может быть изменен на статус обвиняемого. Поэтому вышеописанные действия следует рассматривать, применительно к беженцам из РФ, либо как угрозу их свободе, безопасности и жизни, либо как свидетельство высокой вероятности такой угрозы.

3) Крайне желательно постоянное и систематическое взаимодействие с российскими политическими оппозиционными структурами в эмиграции. Любой активист, работавший в оппозиционных организациях любой политической направленности, так или иначе внутри этих организаций известен, и у него естественным образом складывается там определенная репутация. Эмигрантские оппозицион-

ные структуры, будучи связанными со своими единомышленниками внутри России, сравнительно легко могут узнать, являлся ли тот или иной человек активистом какой-либо оппозиционной организации, и чем именно он известен. С другой стороны, лицам, никогда подобной деятельностью не занимавшимся, крайне сложно будет получить соответствующую рекомендацию.

4) Чтобы избежать партийной пристрастности уже в среде самой российской политической эмиграции, необходимо, чтобы взаимодействие осуществлялось со структурами различной идейно-политической направленности (либералы, левые, националисты). Консенсус их мнений хотя и не может являться гарантией абсолютной надежности, но, тем не менее, будет достаточно эффективным фильтром, позволяющим отсеивать недобросовестных искателей статуса беженца.

5) Для осуществления описанного взаимодействия желательно создание специального органа, или же систематическое взаимодействие со структурами российской политической эмиграции, удовлетворяющими вышеперечисленным требованиям.

- 1 [Определение политического заключенного. Резолюция 1900 \(2012\) \[https://www.coe.int/t/r/parliamentary_assembly/\\[Russian_documents\\]/\\[2012\\]/\\[Oct2012\\]/Res1900_rus.asp\]\(https://www.coe.int/t/r/parliamentary_assembly/\[Russian_documents\]/\[2012\]/\[Oct2012\]/Res1900_rus.asp\)](https://www.coe.int/t/r/parliamentary_assembly/[Russian_documents]/[2012]/[Oct2012]/Res1900_rus.asp)
- 2 <http://www.amnesty-volunteer.org/aihandbook/ch3.html#poc>
- 3 https://ru.wikisource.org/wiki/Уголовный_кодекс_РСФСР_1926_года/Редакция_05.03.1926#Глава_I._КОНТР_-_РЕВОЛЮЦИОННЫЕ_ПРЕСТУПЛЕНИЯ
- 4 Уголовный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 г. в первоначальной редакции, <http://pravo.levonevsky.org/kodeksru/uk/19601027/index02.htm>
- 5 http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/d350878ee36f956a74c2c86830d066eafce20149/
- 6 <https://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2016/10/13/660708-kritika-vlasti>
- 7 <https://www.rbc.ru/society/25/04/2018/5added539a79477ac3e23377>
- 8 <https://www.rbc.ru/newspaper/2017/03/15/58c702399a79473b36f47d9c>
- 9 <https://echo.msk.ru/news/2094432-echo.html>
- 10 <https://www.kommersant.ru/doc/2900345>
- 11 <http://cepr.su/wp-content/uploads/2016/05/Борьба-с-экстремизмом.pdf>, <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3834>, <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4477>
- 12 <https://memohrc.org/ru/pzk-list>
- 13 <https://www.politzeky.ru/ves-spisok/8199/alfavitnyj-spisok-politzakljuchennyh-i-presleduemyh-po-politicheskim-motivam>
- 14 <https://memohrc.org/ru/pzk-list>
- 15 <https://memohrc.org/ru/pzk-list>
- 16 <https://www.kompromat.lv/item.php?docid=readn&id=9020>